С.А. Нефедов[1]

Теория культурных кругов и проблема влияния монгольского завоевания на формирование российской цивилизации[2]

The theory of cultural circles and problem of influence of the mongolian gain on formation of the Russian civilization

Предлагаемая статья раскрывает неиспользованные до сих пор возможности применения методологии диффузионизма к решению одной из давних проблем исторической науки. Становление российской евразийской цивилизации рассматривается автором с точки зрения процесса возникновения и расширения монгольского культурного круга.

◆

Offered article opens not used till now possibilities of application of diffusionizm methodology to the decision of one of old problems of a historical science. Formation of the Russian Euroasian civilisation is considered by the author from the point of view of process of occurrence and expansion of the Mongolian cultural circle.

Вслед за заимствованиями в военной сфере шли политические и социальные заимствования. Новые политические институты либо непосредственно насаждались завоевателями, либо перенимались как элементы, связанные с военной организацией и необходимые для противостояния завоевателям.

В момент начала завоеваний монголы не имели готовых административных институтов для управления земледельческими государствами; они не имели даже письменности и были вынуждены доверить создание новой администрации перешедшим на их сторону чиновникам покоренных государств. Первым из таких чиновников был уйгур Тата тун-а, который учил детей Чингисхана и первых монгольских чиновников уйгурскому письму. Сунский посол Чжао Хун писал, что после овладения северной столицей Цзинь, Яньцзином, монголы создали там администрацию по цзиньскому образцу, причем документация велась на уйгурском языке[3]. Писцов в новых учреждениях называли по-монгольски "бичэчи", что соответствует уйгурскому "бахши" и китайскому "би-чже" – "секретарь". Естественно, что многие термины, используемые этой администрацией, имели уйгурское проис-

[1] Окончание. Начало в выпуске 1(5) за 2008 г..

[2] Автор признателен Н.П. Рябченко за полезное обсуждение статьи.

[3] Мэн-да бэй-лу… – С. 38, 52, 73, 125.

хождение, в их числе "ярлык" (ханский указ), "тамга" (печать, а также торговый налог), "ал тамга" (алая печать хана), "тамгачи" ("обладатель печати", "чиновник"), "купчур", "калан", "ясак" (различные налоги), "сагчий" (сановник)[1].

При великом хане Угэдэе главой новой администрации стал бывший цзиньский чиновник Елюй Чуцай, которому было поручено наладить сбор налогов на завоеванных территориях. Елюй Чуцай восстановил административное деление на области "лу" и провел перепись населения, при которой, как обычно в Китае, переписывались не люди, а дворы, население объединялось в "десятидворки" и "стодворки", связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке рекрутов. После проведения переписи были введены два основных налога, подушный и поземельный. Традиционный для Китая подушный налог ("дин-шуй") собирался с совершеннолетних мужчин; первоначально его собирали в зерне по единой для всех ставке, но позже (с 1253 года) стала учитываться имущественная состоятельность и налог стали собирать в деньгах. Поземельный налог (как и при Цзинь) исчислялся в зависимости либо от количества волов и плугов, либо от количества и качества земли. Однако реально каждая семья платила один налог – тот, который был больше; крестьяне обычно платили поземельный, а горожане и кочевники – подушный налог; священнослужители от налогов освобождались. С кочевников брали налог, который назывался "купчур" (собственно, "пастбище", или "налог на пастбище") и составлял 1 голову скота с каждых 100 голов[2].

Кроме этих основных налогов, Чуцай восстановил торговый налог, который взимался при продаже и составлял 1/30 стоимости товара. Была снова введена воинская повинность и государственная торговая монополия на ряд важных товаров, в том числе на соль и вино. В отношении других товаров правительство обладало правом проводить принудительные закупки по установленным им ценам. Был возобновлен выпуск бумажных денег с номинальной стоимостью. Под руководством Чу-цая была восстановлена система почтовых станций, которые назывались по-китайски "чжань" или "чжам", откуда происходит монгольское слово "джам", тюркское – "йам" и русское – "ям"[3]. Нужно отметить, что функции ямской службы были много шире, чем функ-

---

[1] Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.-Л. 1940. – С. 11; Мэн-да бэй-лу… – С. 38; Бартольд В. В. Указ. соч. – С. 162, 167; Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X-XIV вв. М.-Л. 1966. – С. 103-105; Дмитриев В. З. Хырз// http://www.enc.cap.ru

[2] Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М. 1965. – С. 44, 48; Чулуны Далай. Монголия в XIII-XIV веках. М. 1983. – С. 110; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л. 1960. – С. 360; Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь… – С. 258-259; Мэн-да бэй-лу… – С. 30. прим. 40; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century – Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. P. 367-370.

[3] Мункуев Н. Ц. Указ. соч. – С.40, 55, 58, 194; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л. 1946. – С. 36. прим. 98; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice… p. 366.

ции собственно почты. Это была государственная транспортная служба, предназначенная для перевозки людей и грузов – и не только государственных грузов: за определенную плату ямами могли пользоваться и купцы. Это была наиболее мощная транспортная система, существовавшая в мире до появления железных дорог.

В целом, реформа Чуцая подразумевала восстановление китайской административной и налоговой системы и распространение ее на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* – продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока – хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались "абы как", "навскидку".

Однако Чуцаю не удалось восстановить китайскую администрацию в чистом виде. В 1236 году Угэдэй принял решение, по монгольскому обычаю, пожаловать князьям и знати "улусы", которые по-китайски назывались "тан му-и" ("уделы на кормление"). Таким образом, страна оказалась поделенной на две части: одни области непосредственно управлялись центральной администрацией, другие отдавались в уделы[1]. Елюй Чуцай протестовал против этого решения и, в конце концов, настоял, чтобы в каждый удел были назначены государственные чиновники "даругачи", ограничивавшие права князя. Согласно "Юань ши", даругачи проводили переписи, собирали налоги, доставляли их в столицу, проводили рекрутский набор, отвечали за работу почтовых станций[2]. Часть налогов, собираемые даругачи, шла владельцу удела, а другая часть – великому хану. Д. Островский обращает внимание на то обстоятельство, что в Китае издавна существовала дуальная система управления: провинцией управляли два губернатора, гражданский и военный. В этой системе, полагает Д. Островский, должность даругачи соответствовала должности гражданского губернатора[3]. Хотя в двоевластии князей и даругачи просматривается желание Елюй Чуцая приблизить новую администрацию к традиционным китайским формам, князья, владельцы уделов, играли, конечно, более важную роль, чем прежние военные губернаторы. Монгольский термин "даругачи" происходит от корня "давить" и, как доказывает И. Вазари, он является калькой тюркского термина "баскак". Система "баскаков" ранее существовала в киданьском государстве Западное Ляо (напомним, что Елюй Чуцай был киданем царского рода) и функционально "даругачи" и "баскаки" ничем не отличались друг от друга. В государстве киданей существовали две системы

[1] Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice… p. 316, 330.
[2] Цит. по: Насонов А. Н. Указ. соч. – С. 14; Юань ши// Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. – С. 488-489.
[3] Ostrowski D. Muskovy and the Mongols… p. 40.

управления: в одном случае гурхан управлял через наместников, в другом случае он приставлял к местным князьям своих баскаков. Именно такой порядок и был установлен в Китае; позднее он был распространен на всю империю[1].

Елюй Чуцай потерпел еще одну неудачу в попытке сохранения китайской традиции, когда Угэдэй приказал ввести налоговые откупа. Откупа были распространены в мусульманском мире и были введены по настоянию монгольской знати, сотрудничавшей с мусульманскими купцами. Пользуясь покровительством знати, откупщики злоупотребляли своими полномочиями; завышали ставки налогов, предоставляли неплательщикам деньги в долг под кабальные проценты, а потом обращали должников в рабов[2].

Следует обратить внимание, что новое общество, возникшее в результате монгольского завоевания Китая, имело особую социальную структуру. Это общество состояло из двух основных сословий; завоеватели составляли господствующее военное сословие; они жили в монгольской степи или в размещенных в Китае военных поселениях. Воины-монголы получали долю добычи, рабов из числа пленных и (по-видимому, нерегулярные) денежные и продуктовые выдачи; казна снабжала их оружием, а в случае необходимости – лошадьми. Характерно, что поместий с крестьянами ни рядовые воины, ни младшие офицеры не имели; уделы имелись только у высшей знати. Китайцы составляли приниженное сословие, им запрещалось держать лошадей и иметь оружие – конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, поднявшему руку на монгола, грозила смерть. Любой военный или чиновник, едущий по делам службы, мог требовать у местных жителей предоставления помещения для своей свиты, а также пищу и корм для лошадей. Такие требования со стороны воинов-монголов обычно сопровождались вымогательствами, грабежом и насилиями. Постойная повинность была одним из наиболее ярких воплощений права воинов-завоевателей творить произвол над побежденными народами[3].

На особом положении находились ремесленники. Монголы высоко ценили ремесло и зачастую, истребляя население завоеванных городов, щадили только ремесленников. Пленных ремесленников отправляли в большие государственные мастерские, где они содержались на положении рабов[4].

Специфическим институтом нового общества была "орду" в узком смысле этого слова: двор хана, его приближенные и всегда

---

[1] Vasary I. The Origin of the Institution of Basqaqs// Acta Orientalia Academiae Scientiarium Hungaricae. 1978. Vol. 32. P. 203-205; см. также: Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск. 1989. – С. 131.

[2] Мункуев Н. Ц. Указ. соч. – С. 60.

[3] Мункуев Н. Ц. Указ. соч. – С. 57; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л. 1960. – С. 396; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М. 1980. – С.36-37; Очерки истории Китая с древнейших времен до "опиумных" войн. М. 1959. – С. 366.

[4] История Востока. Т. II. М. 1999. – С. 393.

находящаяся при хане 10-тысячная гвардия "кешектенов". Отборная тысяча "кешектенов" называлась "баатуры". Гвардейцы набирались преимущественно из детей знати, они находились на полном обеспечении казны и из их числа набирали чиновников в аппарат управления[1]. Другим специфически монгольским элементом новых общественных отношений были так называемые "дарханы" (тюркс. "тарханы") – освобождения от податей, жалуемые ханом тому или иному лицу (а также и сами эти лица). Освобождения такого рода и соответствующие грамоты давали, в частности, духовным лицам и церковным организациям. Как отмечал Х. Шурманн, тарханные грамоты во всех улусах империи писались по одному формуляру, копирующему исходную монгольскую форму. Поэтому грамоты такого типа служат своеобразным маркером, указывающим на границы распространения тарханной практики. Тарханные грамоты перечисляют налоги, от которых освобождалось жалуемое лицо, и являются ценными источниками при идентификации одинаковых налогов, для обозначения которых применялись различные термины[2].

Таким образом, социально-политическое устройство новой Монгольской империи было результатом достаточно сложного *социального синтеза*; в этом синтезе преобладали китайские компоненты, но существенную роль играли также традиции монголов, киданей и мусульман.

***

С середины XIII века завоеватели начинают насаждение имперских социально-политических институтов на территории завоеванных стран. "Так как все страны и народы стали им подвластными, – писал персидский историк Джувейни, – то они провели перепись, после которой в соответствии со своими традициями разделили всех на "десятки", "сотни" и "тысячи" и потребовали нести военную службу, обслуживать ямы, нести вызванные этим расходы, обслуживать их кормами – это в добавление [к прежним налогам]; сверх всего они установили также купчур"[3].

Сразу после завоевания к покорившимся местным владетелям приставлялся чиновник, который выполнял функции даругачи, таких чиновников в Персии называли "шихнэ", а на Руси – "баскаками". По приказу хана Монкэ в 1250-х годах была проведена перепись во всей империи (в Китае – в 1252 г., в Иране – в 1253 г.). И.П. Петрушевский писал, что введенный после проведенной в Иране переписи "купчур" был заимствован из Китая, причем имелось две разновидности купчура, собиравшиеся, соответственно, с кочевников и оседлых жителей. Купчур с кочевников собирали из расчета по 1 голове со ста голов скота; купчур с оседлых жителей выступал в качестве подушного налога, его собирали по 70 дирхемов с "десятка", связанного круговой порукой. Купчур платили только трудоспособные мужчины, от его уплаты

[1] Там же. – С. 374.
[2] Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice… p. 320-324.
[3] Juvayni, Ala'uddin. The History of World Conqueror. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1958. p. 33-34.

освобождались служители религии, которым предоставлялось "тарханство". Известно, что подушную подать собирали с горожан; поначалу в некоторых районах купчур собирался и с крестьян, но затем он был отменен. Сохранившаяся податная роспись Хузистана времен Газан-хана (1295-1304) уже не упоминает о купчуре с земледельцев, с них собирали старую, домонгольскую поземельную подать – "харадж". В документах часто упоминаются термины "калан" и "маль"; как показал Дж. Смит, "калан" – это был монгольский эквивалент местного термина "маль", означающего "обычные", т.е. домонгольские налоги. Главным из "обычных" налогов был харадж, поэтому калан, в общем, соответствует хараджу; И. П. Петрушевский указывает, что в податной росписи Хузистана "маль" – просто синоним хараджа[1].

В итоге, можно прийти к выводу, что часто упоминающаяся в значении основного налога пара купчур-калан равнозначна купчур-харадж и соответствует китайскому подушно-поземельному налогу, который собирался в городах с "душ" или со дворов, а в деревнях – с земли. Помимо этого основного налога существовали торговый сбор "тамга" и принудительные закупки товаров казной ("тарх"). Далее, в источниках упоминаются воинская повинность по поставке рекрутов (1 человек с 9 дворов), "улаг" (букв. "вьючное животное") или "подвода" – повинность по поставке лошадей и подвод для созданных монголами почтовых станций ("йамов"), постойная повинность ("нузл") с поставкой проезжающим чиновникам, воинам и гонцам ("ильчи") пищи и кормов и содержания ("алафэ" и "улафа")[2].

Харадж взимался деньгами или в виде доли урожая, причем единицей обложения служил так называемый "джуфт" (по-арабски, "фаддан", по-турецки, "чифт"). Термин "джуфт" имеет двоякий смысл: во-первых, это плуг с упряжкой из двух быков, а во-вторых, участок земли, который можно вспахать этой упряжкой. Воловья упряжка стоила больших денег и обычно находилась в общей собственности нескольких крестьянских дворов; поэтому "джуфт" как единица обложения не совпадал с двором. После монгольского нашествия свободной земли было много, поэтому каждая упряжка, как правило, распахивала "джуфт" земли и поземельное обложение совпадало с "поплужным". Поплужное обложение, в принципе, было одним из двух китайских методов обложения поземельным налогом, однако вряд ли здесь имеется генетическая связь. Такое обложение существовало на Ближнем Востоке и до прихода монголов; поплужный налог существовал и в Византии. Дело в том, что при недостатке грамотных чиновников и знакомых с математикой землемеров обложение плугов яв-

[1] Петрушевский И. П. Указ. соч. – С. 342 363-365, 368, 369, 384; Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practice… P. 378; Али-заде А.-К. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку. 1956. – С. 204-206; Smith J. M. Mongol and Nomadic Taxation// Harvard Journal of Asiatic Studies. 1970. Vol. 30. P. 49-55.

[2] Петрушевский И. П. Указ. соч. – С. 386, 393, 396, 398; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М.-Л.1946. – С. 257-258, 290; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973. – С. 40.

ляется простейшим способом учета пашни, поэтому оно было широко распространено и в древнем мире, и в средние века. Однако даже такой простейший способ сбора налогов требует проведения переписей и подсчета "джуфтов". Такой учет в Иране проводился, но далеко не всегда; столетие перед монгольским нашествием было временем войн и анархии, когда учет был запущен и переписи не проводились. Монголы восстановили систему учета, при них появились особые писцы-"битикчи", которые вели составленные в каждом районе податные росписи, "дафтары"[1].

Согласно "Великому Дафтару", во времена Абака-хана (1265 – 1282) в державе Хулагуидов насчитывалось 150 туменов; тумен – это единица, соответствующая 10 тыс. дворов и применявшаяся по всей Монгольской империи. Как и в Китае, налоги сдавались на откупа, их сбор сопровождался разнообразными злоупотреблениями. Среди чиновников, собиравших налоги, помимо "шихне" и "битикчи", упоминаются также и "даруги" (вероятно, этот термин использовался иногда как эквивалент "шихне"). Судебные дела, касавшиеся знати, подлежали компетенции особых судей "яргучи". Как и в Китае, в Иране одно время выпускались бумажные и медные деньги с номинальной стоимостью[2].

Таким образом, можно сделать вывод, что административно-налоговая система, введенная монголами в Иране, в целом воспроизводила имперский монголо-китайский образец. Однако "в чистом виде" эта система продержалась недолго. Купчур в качестве подушной подати вызывал резкое неприятие мусульман потому, что по законам ислама подушную подать ("джизью") платили только "неверные". Начались процессы социального синтеза; при принявшем ислам Газан-хане купчур в городах был заменен налогом с торговых и ремесленных заведений; этот налог носил старое название "тамга", но уже не сводился к пошлине при продаже товара[3]. Таким образом, подушно-поземельный налог превратился в поимущественно-поземельный.

Государство ильханов копировало не только административную, но и социальную структуру империи. Общество было разделено на два сословия; завоеватели и примкнувшие к ним тюркские и иранские кочевые племена составляли военное сословие. До монголов воины получали поместья-"икта", но ильханы (вплоть до времен Газан-хана) не применяли эту практику. Воины кочевали вместе со своими семьями или располагались в гарнизонах; они получали оружие и денежные выдачи из казны ("джамыги"). Хан кочевал со своей "орду", состоявшей из приближенных и гвардии. Покоренное население составляло приниженное податное сословие. Захваченные в плен ремесленники,

[1] Петрушевский И. П. Указ. соч. – С. 289; Али-заде А.-К. Указ. соч. – С. 291; Каждан А. Н. Аграрные отношения в Византии XIII-XIVвв. н. э. М. 1952. – С. 144.

[2] Насонов А. И. Указ. соч. – С. 98; Петрушевский И. П. Указ. соч. – С. 367, 392, 399; Рашид-ад-дин. Указ. соч. – С. 257; Schurmann H. F. Op. cit. p. 310; Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л. 1958. – С. 195.

[3] Али-заде А.-К. Указ. соч. – С. 205.

как и в Китае, трудились на положении рабов в больших государственных мастерских ("кархана")[1].

Имперская система была в общих чертах воспроизведена и в малоазиатском Румском султанате. "Монголы изменили систему управления, – писал В.А. Гордлевский, – упорядочили и взимание налогов: с земли т. е. с оседлого населения, брали они "кылан", со скота, т. е. с кочевников, "купчур", с горожан и купцов – "бадж" (дорожная пошлина – *С. Н.*) и "тамга"… словом, в Малой Азии прекратилась экономическая анархия". Источники говорят о существовании "ямов" и связанных с ними повинностях, о чиновниках-"шихнэ", об откупе налогов, о переписи населения, о ведомостях-"дефтерах". Необходимо однако, отметить, что В. А. Гордлевский не упоминает о подушной подати в городах – возможно, источники, на которые опирается историк, относятся ко времени, когда купчур в городах был заменен тамгой[2].

Данные о податной системе Улуса Джучи (традиционно именуемого в историографии "Золотой Ордой") достаточно фрагментарны и базируются в основном на нескольких тарханных ярлыках, выданных Тохтамышем, Тимур Кутлугом и казанским ханом Сагиб Гиреем. Известно, что существовала подать с кочевников, "купчур" (в размере 1 головы со ста голов скота) и подушная подать, "ясак". Х. Шурманн и Дж. Смит на основе сопоставления тарханных грамот Персии и Золотой Орды (а также исходя из этимологических соображений) пришли к выводу, что персидская пара налогов, "купчур" и "калан", соответствует ордынской паре "ясак" и "калан", т. е. "ясак" – это персидский "купчур", понимаемый в смысле подушной подати с оседлого населения[3]. М.Г. Худяков на основании материалов Казанского ханства сделал вывод, что ясак платили как горожане, так и крестьяне[4], однако более близкий к изучаемому нами периоду ярлык Тимур Кутлуга не упоминает о подушной подати для крестьян. Согласно этому ярлыку, земледельцы платили поземельную подать "калан", который специалисты отождествляют с "хараджем"[5]. "Ясак" и "калан", таким образом, образуют пару, аналогичную иранской паре "купчур"-"харадж" ("купчур"-"калан") и соответствующую имперскому подушно-поземельному налогу. Кроме того, в источниках упоминается "улаг" – повинность по обслуживанию ямских станций, постойная повинность с предоставлением пищи, корма и содержания проезжающим чиновникам – "шусун" и "улуфа", торговый налог – "тамга", принудительные государственные закупки –

---

[1] Петрушевский И. П. Указ. соч. – С. 46, 263.

[2] Гордлевский В. Государство Сельджуков Малой Азии. М.-Л. 1941. – С. 39, 41, 146.

[3] Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice… p. 310, 334; Smith J. M. Op. zit. p. 48-49.

[4] Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства// На стыке континентов и цивилизаций… (из истории образования и распада империй X-XVI вв.) М. 1996. – С. 690.

[5] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. 1950. – С. 55, 111.

"тарх", а также некоторые мелкие сборы[1].

В Золотой Орде, как и в Китае, проводились переписи, население было разбито на "десятки", "сотни", "тысячи" и "тумены" (общее число туменов достигало семидесяти). К покоренным князьям (и не только к русским) были приставлены баскаки, но в Крыму и в Поволжье в качестве гражданских чиновников обычно упоминаются "даруги" ("даругачи") разных уровней: "городские даруги", "внутренних селений даруги" и т. д. Название должности, по-видимому, перешло на название административной единицы: улус делился на "дороги". Известно, что существовали налоговые росписи-"дефтеры", которые вели писцы, "битикчи" или "бакши"; часть документации велась на уйгурском языке. Среди сборщиков налогов упоминаются "таможники", сборщики тамги, и "поплужники"; последнее позволяет предположить, что поземельный налог ("харадж"), как и в Персии, собирался с "плуга". В источниках упоминаются также судьи-"яргучи" и государственные мастерские "кархана". Существовал также ханский двор ("орду"), где во времена Казанского ханства служили "огланы" (буквально "сыновья") – это известие можно сопоставить с тем, что монгольских "кешектенов" набирали из детей знати[2].

В целом можно сделать вывод, что административная и податная система Золотой Орды в основных чертах соответствовала имперскому монголо-китайскому образцу.

***

Сведения об административно-налоговой системе, установленной на Руси после монгольского нашествия, очень фрагментарны, однако метод сопоставления содержания тарханных грамот, использованный Х. Штурманом и Дж. Смитом, позволяет до некоторой степени восполнить существующие пробелы. Эти авторы использовали прежде всего ярлыки, данные ордынскими ханами русским митрополитам. Х. Штурман особо отмечает, что сравнение текстов этих ярлыков с текстами подобных указов, написанных на китайском, монгольском и тюркских языках, "открывает необыкновенное подобие в стиле, форме и содержании"[3]. Ярлык Бердибека, датируемый 1357 годом, дает освобождение от налогов в следующей формулировке: "… и какая дань ни будет, или пошлина, не емлют у них, ни подвод, ни корма, ни питья, ни запросов, ни почестия не взъдают". Ярлык Тюлюка (1379 год) использует почти такую же формулу: "… ино никакова дань, ни которая пошлина, ни подвода, ни корм, ни питье, ни запрос, ни даров не дадут"[4]. Дж. Смит, сравнивая эти ярлыки с ордынскими тарханными грамотами, пришел к выводу, что "дань" и "пошлина" соответствуют стандартной форме yasak qalan ордынских

[1] Там же. – С. 111, 114; Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучидов// Русское археологическое общество. Восточное отделение. Труды. 1864. т. 8. – С. 471; Худяков М. Г. Указ. соч. – С. 690, 692

[2] Березин И. Н. Указ. соч. – С. 457; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй… – С. 92, 94, 123; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. – С. 129; Худяков М. Г. Указ. соч. – С. 686-687; Бартольд В. В. Указ. соч. – С. 139.

[3] Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice… P. 341.

[4] Памятники русского права. Вып. 3. М. 1955. – С. 465, 469.

грамот, следовательно, "дань" – это ясак, а "пошлина" – это калан[1]. И. Н. Березин также отмечал, что русская дань соответствует "ясаку", а пошлина – калану[2]. Ясак был подушной податью, имеются свидетельства, что первое время после нашествия дань собирали с душ, об этом пишет Плано Карпини[3]. С.М. Соловьев, рассказывая, как татары переписывали дома в Новгороде, делает вывод, что дань собиралась со дворов "без соображения со средствами плательщика"[4]. Подробный лингвистический анализ позволил Дж. Смиту установить, что везде, кроме Китая, монголы делили налоги на старые, земледельческие, существовавшие до их прихода, и новые, установленные завоевателями. К группе новых налогов относятся персидский "купчур", золотоордынский "ясак" и русская "дань", к группе старых относится персидский и золотоордынский "калан" (он же "харадж"), а на Руси – "пошлина"[5]. Легко заметить, что новые, введенные монголами налоги – это одна и та же подушная подать, что "калан"-"харадж" – это действительно старый поземельный налог; в паре старые и новые налоги образуют подушно-поземельный налог – тот, который был в Китае и который Дж. Смит не смог разделить на "старый" и "новый". Но что же такое "пошлина" – ведь налога с таким названием не было на Руси? Действительно, делать "по пошлине", означало на Руси делать "по-прежнему, по-старому", и в соответствии с трактовкой Дж. Смита, "пошлина" – это просто общее обозначение "старых" налогов. Пытаясь расшифровать это понятие, Дж. Смит обращается к единственному ярлыку, сохранившемуся от XIII века – это ярлык хана Менгу-Темира, датируемый 1267 годом. "… Которая дань, или поплужное, или подвода, или корм, или кто ни будет, да не просят, ям, воина, тамга, не дают", – такова формула ярлыка, дающая освобождение от налогов[6]. В этой формуле стандартному выражению yasak qalan ордынских грамот соответствуют не "дань" и "пошлина", а "дань" и "поплужное", следовательно, ясак – это "дань", а калан – это "поплужное". Казалось бы, следует сделать вывод, что "старый налог", "пошлина" – это "поплужное", однако Дж, Смит почему-то заключает, что "пошлина" – это "поплужное" и "тамга"[7]. "Тамга" была введена монголами, и, конечно, не может считаться "пошлиной", "старым налогом". Но как бы то ни было, главный старый налог, отличный от установленной монголами дани, – это "поплужное".

Действительно, до прихода монголов на Руси существовала поземельная подать; "Повесть временных лет" под 981 годом говорит, что ее собирали с плуга и называет эту подать… данью. "В том же году победил Владимир вятичей и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал". Однако из текста ярлыка Менгу-Темира следует, что "дань" и "поплужное" – разные нало-

---

1 Smith J. M. Op. cit. P. 48- 60.
2 Березин И. Н. Указ. соч. – С. 474, 475.
3 Путешествие в восточные страны… – С. 55.
4 Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 508.
5 Smith J. M. Op. cit. P. 48- 60.
6 Памятники русского права. Вып. 3. М. 1955. – С. 467.
7 Smith J. M. Op. cit. P. 48, 49, 57.

ги. Остается предположить, что старинная дань X века ко времени монгольского завоевания сменила название на "поплужное". Однако и термина "поплужное" нет в русских источниках – зато есть "поралье" (рало – предшественник плуга). "Поральское серебро" упоминается в Новгороде около 1270 г.; позже, в начале XIV века, "поралье" было налогом, собиравшимся в пользу посадника и тысяцкого. Л. В. Данилова отмечает, что "поралье" иногда называли данью[1] – по-видимому, в старом, домонгольском смысле, и очевидно, для того, чтобы не путать старую дань с новой, новгородцы называли новую, монгольскую дань "черным бором", что означает "повальная, поголовная подать". Различие между новой и старой данью было в том, что старую дань платили лишь крестьяне-смерды с "рала", это была поземельная подать, а новая дань была подушной (или подворной) податью.

Кроме того, по поводу старой, домонгольской дани до сих пор ведутся споры, можно ли считать ее налогом. Хотя летописи и говорят, что эту дань устанавливали "с плуга", но ни о каком дальнейшем учете "плугов" нет сведений; переписи, очевидно, не проводились. Известно, к примеру, что в Смоленском княжестве сумма дани не менялась полвека[2]; это означает, что с крестьянских общин требовали когда-то установленную дань, которая, конечно, уже не соответствовала ни "плугам", ни "дворам". М. К. Любавский в свое время утверждал, что правильное (с учетом числа плательщиков) налогообложение на Руси было установлено только после нашествия, и некоторые современные историки придерживаются близкой точки зрения[3].

Источники прямо свидетельствуют о том, что монгольская дань распространялась на горожан – и надо особо отметить, что это было новым для Руси: ведь прежде горожане не платили прямых налогов[4]. Но платили ли подушную подать крестьяне? В.Н. Татищев, передавая не дошедшую до нас летопись, сообщает, что в 1275 г. великий князь Василий Ярославич "привез хану по полугривне с сохи, или с двух работников"[5]. Известия о том, что дань собиралась с "сох", мы встречаем и позже, но следует обратить внимание, что "соха" – это не пахотное орудие в буквальном смысле, это некая податная единица. Содержание этой податной единицы остается неясным – включала ли она еще что-то кроме "двух работников", были ли эти работники крестьянами или сюда включались и горожане, и почему она называлась "со-

---

[1] Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле// М.: Изд. АН СССР, 1955. – С. 66.

[2] Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX-XIII веках. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М. 1980, – С. 109.

[3] Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М. 1898. – С. 482; Дворченко А. Ю. Русские земли Великого княжество Литовского (до начала XVI в.). СПб. 1993. – С. 220.

[4] Хорошкевич А. П. Изменение формы государственной эксплуатации на Руси в середине XIII века// Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М. 1988. – С. 157.

[5] Татищев В. Н. История Российская. Т. 5. М-Л., 1965. – С. 51.

ха", если речь идет только о "душах"? Более подробные сведения о "сохе" сообщает известная грамота середины XV века о порядке взимания "черного бора" с Новоторжских волостей[1]. Это были волости, на которые новгородцы перевели всю монгольскую дань с Новгородской земли; здесь не платили других податей[2] и, таким образом, налагаемый на "соху" "черный бор" включал все прямые налоги, которые платили новгородцы, в том числе и "поральное". Грамота сообщает, что за "соху" считались "два коня да третье припряжь", или лавка, или ладья, или кузница, или кожевнический "тшан" или "црен", а также, что "плуг" приравнивался к двум "сохам". Таким образом, с крестьян бралась поземельная подать по числу лошадей или плугов (по-видимому, это и было "поральное"); с горожан бралась поимущественная подать соответственно числу лавок, кузниц и т. д. Подворной же подати в XV веке уже не было. В отношении горожан очевидно, что существовавшая ранее подворная подать к этому времени сменилась на поимущественную (как отмечалось выше, эволюция в этом направлении шла и в других странах). Что же касается крестьян, то остается неясным, существовала ли для них подворная подать – и если она существовала, то когда исчезла?

В целом, однако, складывается картина, вполне соответствующая стандартной имперской налоговой схеме: крестьяне платят поземельный налог, исчисляемый через количество рабочих лошадей или плугов (совсем, как в Китае и в Персии); горожане же платят подворный налог, который затем дифференцируется и превращается в поимущественный (как и в других "улусах" империи). Заметим, что русская единица обложения "соха" (две-три лошади, которые запрягали в реальную соху или, скорее, в рало) равна половине "плуга", то есть половине персидского "джуфта"; эта разница объясняется тем, что плуг был более мощным орудием и в него запрягали двух быков[3]. Таким образом, не только сам поземельный налог, но и единицы его исчисления на Руси и в Персии были аналогичными, так что А. Л. Хорошкевич прямо называет этот налог "хараджем"[4]. Остается добавить, что и другие налоги были аналогичны общеимперским. "Тамга", как и в Китае, составляла 3% с цены товара. Далее в ярлыках упоминается "подвода" ("улаг") – обязанность поставлять подводы на организованные монголами ямские станции, "питье" и "корм" ("улуфэ") – обслуживание татарских чиновников и послов, останавливающихся на постой, "запрос" ("колтка") – чрезвычайный сбор по требованию хана. На Руси, как и в других частях Импе-

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949. – С. 38-39.

[2] Янин В. Л. "Черный бор" в Новгороде XIV-XVвв// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. 1983. – С. 106-107.

[3] Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М. 1987. – С. 132. Две-три лошади обычно запрягали в рала; сколько лошадей запрягали в соху в XIV-XV вв. остается неизвестным, но в XVI веке запрягали только одну лошадь. В XIV-XV вв. соха была относительно новым орудием, ее формы менялись (были сохи с полицами и сохи без полиц), и, повидимому, терминология еще не устоялась, "поральное" и "посошное" еще не различались.

[4] История Европы. Т. 2. М. 1992. – С. 439.

рии, была введена и всеобщая обязанность поставлять рекрутов ("война"). От более позднего времени сохранились свидетельства о принудительных государственных закупках и торговых монополиях (аналог "тарха")[1].

Существовали также некоторые небольшие сборы, сохранившиеся со времен Киевской Руси и не упоминавшиеся в ярлыках. К числу таких сборов относились, в частности, торговая пошлина "осмничие" и подорожная пошлина "мыт"; эти пошлины шли в пользу русских князей[2].

Система монгольского управления на Руси, в общем, была такой же, как и в других областях Империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям, к которым были приставлены баскаки. Князья ездили на поклон к хану и получали ярлык – грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время отнят и передан другому князю. В 1257 году Монкэ назначил верховным даругачи Руси сына своего зятя по имени Китат; И. Бичурин переводит это имя просто "китаец" – и вполне естественно, что китайскую налоговую систему на Руси устанавливали специалисты, присланные из Китая[3]. "Приехаше численици, исцетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники", – говорится в летописи[4]. А.Н. Насонов в свое время полагал, что таким образом монголы создали на Руси некую "военно-политическую организацию", но, как показал В. Л. Егоров, речь идет о делении "численниками" податного населения на "десятки", "сотни", "тысячи" и "тьмы" (десятки тысяч) в податных целях по методу, предписанному Елюй Чуцаем, – то есть о введении китайской системы объединенных круговой порукой "десятидворок" и "стодворок". Главой этой фискально-административной системы, по мнению В.Л. Егорова, был "великий баскак владимирский"[5].

Термин даругачи (в русском произношении "дорога") использовался на Руси сравнительно редко; по смысловому соответствию "дорога"-"путь" чиновники-"дороги" позднее превратились в "путников" и "путных бояр"; канцелярии (позднейшие "приказы") также называли "путями". Так же, как в других частях Империи, сбор налогов сначала сдавался на откуп, но затем эту практику отменили. Баскаки и дороги имели свой штат писцов-"битекачи", "даньщиков", "таможников" (сборщиков "тамги") и судей-"ярыг". В каждой волости была своя канцелярия, "столец",

---

[1] Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 481; Горсей Дж. Указ. соч. – С. 59; Флетчер Дж. О государстве Русском// Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2003. – С. 63-64.

[2] Там же.

[3] Цит. по: Насонов А. И. Указ. соч. – С. 14; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М. 1997. – С. 221-222.

[4] ПСРЛ. Т.I. Стб. 474-475; Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 488; Ostrowsky D. The Mongol origins of Moscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 4. P. 535.

[5] Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды – Отечественная история. 1997. № 2. – С. 53-54.

где сидели писцы и велись налоговые списки. Русские князья вполне освоили эту административную систему, и Дмитрий Донской, подчинив в 1377 году Булгар, назначил в город своего "дорогу" и "таможника" – подобно тому, как монголы назначали чиновников в русские города[1].

В терминологии русских канцелярий сохранились следы уйгурской и китайской терминологии. "Битекачи" ("бакшии"), "ярлык", "тамга", "товар", "ясак", "белег" (удостоверение личности), "батман" (мера веса), "сагчий" (сановник) – это уйгурские термины. Слово "книга" имеет китайское происхождение и буквально означает "свиток, сверток" (так же, как персидское слово "дафтар"). Дело в том, что и в Китае, и в Персии, и на Руси писали по восточному обычаю на свитках. Писцы-бакшии вели налоговую документацию, по-видимому, отчасти на уйгурском языке, и в XVI веке в царском архиве хранились "дефтери", которых уже никто не понимал. Китайское происхождение имеет и принятый на Руси обычай подачи прошений – русское "челобитье" является переводом китайского "коу тоу". (Китайский обычай коленопреклонения был принесен монголами и в другие покоренные ими страны.) Слитки серебра, "саумы", которыми русские платили дань в Орду, имели традиционную форму китайского "ляна". Русские счеты тоже заимствованы из Китая – это приспособление называется в Китае "суан-пан". Любопытно, что в Европу счеты попали из России уже в XIX веке – их привез с собой возвратившийся из русского плена наполеоновский офицер (и известный математик) Ж. Понселе[2].

В формировании русской административной системы принимали участие и мусульманские чиновники, арабы и персы. Держава ильханов была наиболее могущественным государством в западной части монголо-китайского культурного круга, поэтому значительная часть заимствований шла через Персию. Термины "деньги", "печать", "папирус", "папка" (для бумаг), "киличей" (посол), "лафа" (жалованье) имеют арабское или персидское происхождение. Так же, как и в Персии, основным правительственным учреждением на Руси была Казна ("хазине"); известно, что в Казне хранились налоговые росписи, которые и в России, и в Персии называли "дефтери". Нужно отметить, что на Руси ходили ордынские медные деньги с номинальной стоимостью ("пула")[3].

---

[1] Вернадский Г. В. Указ. соч. – С. 365, 369; Насонов А. И. Указ. соч. – С. 105; ПСПЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116-117.

[2] Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 4. М. 1977.; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. 1964; Берзин И. Н. Указ. соч. – С. 455 ; Ostrowski D. OP. cit. P. 534; Бобынин В. В. Лекции истории математики// Физико-математические науки в их настоящем и прошлом. 1897. Т. XIII. № 3. – С. 264; Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. 2. М. 1977. – С. 236; Спасский И.Г. Русская монетная система. М., 1960. – С. 37; Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. СПб., 1911. – С. 14-15.

[3] Там же; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М. 1958. Вашкевич Н. За семью печатями. М. 1994. – С. 149; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л. 1950. № 36, 46;

В целом можно сделать вывод, что завоеватели установили в русских княжествах в основных чертах ту же административную и налоговую систему, что и в других частях Империи, Конечно, дальнейшая эволюция этой системы сопровождалась процессами социального синтеза и уже через полвека мы видим существенные перемены: баскаки уходят и власть концентрируется в руках князей. Однако первоначальный результат очевиден: *монголы создали на Руси государство китайского образца.*

Относительно заимствования элементов социальной структуры можно отметить мнение Г.В. Вернадского и Х. Штурманна о том, что княжеский "двор" как военная свита князя и центр управления происходит от "орду" чингизидов[1]. Р.Г. Ланда и М.Г. Худяков проводят параллели между служившими при дворе русскими "детьми боярскими" и татарскими "огланами"[2]. Русские "богатыри", очевидно, соответствуют монгольским "багатурам", а рынды – вооруженным топорами телохранителям монгольских ханов[3]. Некоторые авторы считают, что русский обычай местничества имеет монгольское происхождение; известно также о существовании на Руси "тарханов"[4]. Однако в целом тема социальных заимствований остается слабо разработанной. В то же время очевидно, что изменения в социальной структуре, вызванные монгольским завоеванием, были весьма существенными. Одним из свидетельств таких изменений, по мнению археологов, было исчезновение практики захоронений представителей знати в больших курганах[5].

***

Возвращаясь к теме распространения различных компонентов монгольского культурного круга, мы можем констатировать, что вслед за заимствованием военной техники шло перенимание административных и политических институтов.

Особый интерес в этом смысле представляет история Делийского султаната – одного из немногих, если не единственного – государства, сумевшего отразить монгольское нашествие в открытом бою. Монгольский удар обрушился на Индию сравнительно поздно, в конце XIII века, когда монгольское оружие уже распространилось на Ближнем Востоке. Из более поздних источников известно, что, во всяком случае, в XV веке в Индии производили монгольские "саадаки" и "юшманы", а также разрывные пороховые гранаты. При султане Ала-уд-дине (1296-1316) в Дели по иранскому образцу были созданы большие оружейные мастер-

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Указ. соч. – С. 131; Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. Т.1. М. 1925. – С. 379.

[1] Вернадский Г. В. Указ. соч. – С. 372; Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice… P. 348.

[2] Ланда Р. Г. Россия и ислам: взаимодействие культур // Восток. 2000. № 5. – С. 24; Худяков М. Г. Указ. соч. – С. 710.

[3] Веселовский Н. И. Указ. соч. – С. 18.

[4] Насонов А. И. Указ. соч. – С. 63; Ostrowski D. Op. cit. P. 537; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М. 1947. – С. 133.

[5] Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений// Русь в XIII веке. Древности темного времени. М. 2003. – С. 5, 8.

ские "кархана", и производство монгольского оружия могло быть легко налажено, в частности, благодаря тому, что в рядах султанской армии сражалось 30 тысяч монголов[1]. Войско султана по монгольскому образцу делилось на десятки, сотни и тысячи; каждый воин имел лук, две сабли и кольчугу, лошади были защищены попонами с металлическими пластинами. На службе султана находилось много монгольских офицеров, некоторые обычаи делийского двора – например, запрет эмирам пить вино и совещаться между собой – могут быть объяснены влиянием монгольских порядков[2].

Перед лицом мощного монгольского наступления Ала-уд-дин был вынужден предпринять ряд реформ, направленных на усиление армии. Эти реформы в значительной степени копировали порядки монголо-иранской державы ильханов. Были конфискованы в казну все частные владения; у простых воинов были отняты их икта: как и в Иране, им стали выдавать денежное жалование. По имперскому образцу был проведен кадастр, оценена урожайность земель, и крестьяне должны были платить поземельный налог ("харадж") в половину урожая – такой же высокий, как в Иране. Кроме того, был введен налог на скот и дома; составлявшие подавляющее большинство населения индусы-немусульмане платили также подушный налог, "джизью". Джизья и харадж, таким образом, составляли подушно-поземельный налог, аналогичный ильханскому "купчур-калан". Была создана почтовая служба, причем повинность по обеспечению почтовых станций называлась, как и в Иране, "улаг". Монголо-иранский институт принудительных закупок ("тарх") стал базой для создания государственной системы торговли, с помощью которой обеспечивалось снабжение столицы и армии. Это копирование монгольских порядков завершилось при преемнике Ала-уд-дина, Мухаммад-шахе, введением медной монеты с номинальной стоимостью[3].

Переняв государственные и военные традиции завоевателей, Ала-уд-дин смог создать "великую армию" из 475 тысяч всадников, которая остановила монгольское нашествие в серии грандиозных сражений на берегах Джамны[4].

Реформы Ала-уд-дина дают нам пример диффузионного распространения культурного круга: волна диффузии составляющих культурный круг элементов движется впереди волны завоеваний, государства, вовремя воспринявшие эти элементы, могут отразить приближающегося врага.

---

[1] Khan I. A. Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A.D.1250-1500// The Indian Historical Review. 1977. Vol. IV. No.1. P. 25; Винклер П. Указ. соч. – С. 251; Никитин, Афанасий. Хождение за три моря// Все народы едино суть. М. 1987. – С. 46-461; История Индии в средние века. М. 1968. – С. 247; Ашрафян К. З. Делийский султанат. М. 1960. – С. 73.

[2] Lal K. S. History of the Khaljis (1290-1320). London, 1967. P. 171, 175-175, 192; Хара-Даван Э. Чингис-хан. Элиста. 1991. – С. 54, 70.

[3] Lal K. S. Op. cit. p. 181-184; 198, 201-202; Синха К. Н., Банеджи А. И. История Индии. М. 1954. – С. 175.

[4] Lal K. S. Op. cit. P. 193.

***

В комплекс элементов монголо-китайского культурного круга входят также некоторые достижения в области материальной культуры. На первом месте среди этих достижений стоит технология чугунного литья. Литье чугуна было освоено в Китае еще в IV до н. э., и ко времени монгольского завоевания чугунные изделия получили массовое распространение; к числу таких изделий относились, прежде всего, котлы, сошники для плугов, втулки для колес. Из Китая технология литья чугуна распространилась в кочевой мир Великой Степи и в Среднюю Азию. Одним из крупных центров этого производства была столица Монгольской империи Каракорум, и большие монгольские "арбы", отправлявшиеся отсюда по Великому Шелковому пути в Сарай, имели чугунные втулки. Археологические данные говорят, что в начале XIII века технология чугунного литья была освоена в Туве, причем для поддержания высокой температуры использовался кокс. В начале XIV века чугунное литье стало производиться в городах Поволжья, прежде всего в Сарае, Укеке и Болгаре. Изделия из чугуна, датируемые XIII – XIV вв., были найдены археологами в Средней Азии, на Урале (на берегу р. Исети), на Северном Кавказе, близ Киева и Липецка, в Белгороде на Днестре, на Руси (во Владимире)[1].

Слово "чугун" имеет уйгурское происхождение (как и многие слова, используемые канцеляриями Монгольской империи). Чугунные котлы назывались по-татарски "чуйун казан", а по-русски "чугун" ("чугунок") или "казан". Название города Казань говорит о том, что, как и расположенный рядом Болгар, этот город был центром металлургического производства. При раскопках Болгара были найдены остатки домниц, имевших высоту до 2,5 метров и работавших не на коксе, как в Китае, а на древесном угле. По мнению известного историка металлургии Д.В. Гаврилова, эта технология ничем не отличалась от той, которая была освоена в Западной Европе в конце XIV века. Л. Р. Кызласов считает, что она была завезена на Запад с помощью среднеазиатских купцов – подданных Золотой Орды – водивших свои караваны с низовий Днепра на Львов[2].

Другим важным элементом китайско-монгольского культурного круга была техника печати. Книгопечатание было изобретено в Китае в XI веке; в XII столетии оно было известно в Уйгурии, а затем стало использоваться монголами. Как сообщает Рашид ад-дин, в начале XIV века китайская технология книгопечатания

---

[1] Кызласов Л. Р. Клад земледельческих орудий с надписями XIII века на верхнем Енисее// Древности Алтая. Вып. 8 //http://gasu.asu.ru/izdgagu/dr_alt/n8/st12.html; Ефимова А. Л. Черная металлургия города Болгара// Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. т. 61. – С. 306, 308; Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в// Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. т. 11. – С. 239; Рязанов С. В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды. Уфа. 1997. – С. 3, 33.

[2] Кызласов Л. Р. Указ. соч.; Семыкин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище// Город Булгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. 1996. – С. 103-104.

была известна на Ближнем Востоке; китайский историк Су Фэнлинь предполагает, что она была известна и на Руси. В 1998 году профессор Института истории естественных наук в Пекине Джи Ксин Пан, сопоставив европейскую технику печати с китайской, показал, что они совпадают даже в мелких, не имеющих технологического значения деталях. Это, безусловно, доказывает, что книгопечатание было заимствовано европейцами из Китая[1].

Большой интерес представляет вопрос о заимствовании сельскохозяйственных орудий. Как известно, в XIII – XIV веках в Волжской Болгарии и на Руси появилось пашенное орудие нового типа – соха с "полицей". В отличие от старой сохи, которая лишь царапала землю, новая соха частично переворачивала пласт. Отмечая принципиальную важность этого нововведения, Ю.А. Краснов пишет, что "трудно решить вопрос о прообразе, на основе которого полица могла сформироваться"[2]. Действительно, полица появилась в завершенном виде, у нее не было прообразов в Европе – но они были в Азии: сохи с полицами были распространены в Китае, начиная, по крайней мере, с VII века[3].

Заимствования коснулись также сферы одежды и быта. Одежда в некоторых случаях играет роль военной формы и ее заимствование прямо связано с заимствованием оружия. Одежда монгольских воинов была стереотипной и содержала в зимнем варианте шапку-ушанку (монг. "малахай"), двуслойную шубу мехом наружу (монг. "доха") и сапоги с войлочными чулками ("саб"), известные на Руси как "валенки". Весь этот комплект одежды был заимствован как тюрками, так и русскими; русское слово "сапог", вероятно, произошло от монгольского "саб"[4].

Помимо чисто практической роли одежда, в особенности парадная, играет также роль этнокультурного маркера. Знать слабых государств в своей одежде старается подражать аристократии сильных государств, чтобы таким образом приблизиться к ней и, может быть, войти в ее среду. С другой стороны, народ подражает знати и пытается, по мере возможности, копировать ее одежду. Восточные обычаи распространились неудержимо на Руси во время монголов, принося с собой новую культуру, новый быт, пишет Всеволод Иванов. Так, изменилась коренным образом одежда: от длинных белых славянских рубах, от бритых голов с "оселедцами", длинных штанов они перешли к золотым кафтанам, к цветным шароварам, к сафьяновым сапогам и тафьям и мурмолкам...[5] Русские носили восточные "кафтаны", "халаты", "дохи", "шубы", "тулупы", "сарафаны", "армяки", "башлыки" – Сигизмунд Герберштейн отмечал, что русская одежда очень похожа

[1] Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX века// Восток-Запад. М. 2000. – С. 61; Jixing Pan. A comparative research of early movable metal-type printing technique in China, Korea and Europe // Gutenberg-Jahrbuch. Mainz. 1998. s. 40.

[2] Краснов Ю. А. Указ. соч. – С. 189.

[3] Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов Н. В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М. 1984. – С. 29. Рис. 1.

[4] Немеров В. Ф. Указ. соч. – С. 223; Хара-Даван Э. Указ. соч. – С. 187; Фасмер М. Указ. соч.

[5] Цит. по: Хара-Даван Э. Указ. соч. – С. 186-187.

на татарскую, только застегивается с другой стороны[1]. Восточная одежда символизировала принадлежность России к восточному культурному кругу, культурную близость Востоку, – и это прекрасно понимали на Руси. Когда в 1681 году царь Федор Алексеевич приказал московским служилым людям носить короткие кафтаны, придворный летописец Адамов подчеркнул идейный смысл этой реформы: "…платье народу российскому повелел носить от татар отменное"[2]. Через двадцать лет Петр I приказал дворянам и горожанам сменить одежду на европейскую и сбрить бороды: это означало формальный разрыв с Востоком и переход России в европейский культурный круг.

***

Подводя итоги, можно сделать вывод, что картина монгольских завоеваний и последовавшего за ними распространения китайских и монгольских культурных элементов в основных чертах вписывается в предлагаемую культурно-исторической школой схему возникновения и распространения культурного круга. Фундаментальным открытием, породившим монголо-китайский культурный круг, было создание нового оружия – мощного рефлексирующего лука. Появление нового оружия вызвало волну монгольских завоеваний и процесс диффузии в военной сфере; при этом заимствовался не только рефлексирующий лук, но и элементы оборонительного вооружения (легкие панцири "хатангу дегель", тяжелые пластинчатые панцири, легкие кавалерийские щиты и др.), а также конно-стрелковая военная тактика и применение пороха. После завоевания Северного Китая начался процесс социального синтеза: монголы адаптировали существовавшую в Китае налоговую и административную систему, включив в нее некоторые монгольские компоненты. Это китайско-монгольское государственное устройство стало насаждаться монголами в завоеванных им странах; его основными элементами были система дуального управления военных и гражданских властей ("баскаки", "даруги", "шихне"), переписи населения и основанная на них система податей и повинностей: подушно-поземельный налог, "тамга", "улаг", постойная повинность и "корм", всеобщая воинская обязанность, выражающаяся в поставках рекрутов. Существенными элементами этой системы были сеть почтово-транспортных станций ("ям"), государственные мастерские ("кархана"), государственные закупки ("тарх"), бумажные или медные деньги с номинальной стоимостью.

Вслед за административно-налоговыми заимствованиями шли заимствования в сфере материальной культуры: здесь мы можем упомянуть такие элементы, как технология плавки чугуна, печатное дело и, вероятно, усовершенствованные пахотные орудия. Наконец, еще один слой заимствований связан с одеждой, бытом и духовной культурой, но ввиду ее обширности эта тема практически остается вне сферы нашего рассмотрения.

Необходимо особо отметить, что границы монголо-

[1] Герберштейн С. Указ. соч. – С. 117.
[2] Цит. по: Богданов А. В тени Петра Великого. М. 1998. – С. 197.

китайского культурного круга выходили за пределы границ Монгольской империи, что под давлением победоносных завоевателей некоторые государства самостоятельно перенимали перечисленные выше культурные элементы как в комплексе, так и по отдельности. Отдельные элементы монголо-китайского круга, такие, как технология выплавки чугуна, книгопечатание, порох стали достоянием мировой цивилизации.

◆